

Ритуал

Автор:

Марина Дяченко

Ритуал

Марина и Сергей Дяченко

Она – прекрасная принцесса, но безобразна. Он – свирепый дракон, но человечен. Оба они выламываются из клетки ритуалов, жестоких либо лицемерных, оба проигрывают войну против мира, где искренность смешна, а любовь невозможна...

Но проигрывают ли?

М. и С. Дяченко считают «Ритуал» самым романтичным своим произведением.

Тимур Бекмамбетов спродюсировал по мотивам этого культового романа кинофильм «Он – дракон».

Марина и Сергей Дяченко

Ритуал

Волшебный роман

I

Сладкое пламя гортань распирает.

Будто случайно оброненный кубок

Земля ускользает.

Арм-Анн

* * *

Его шаги гулко отдавались в тишине, долго метались коридорами, ударяясь о невидимые в темноте стены.

Потом звук стал глуше – кожей лица он ощутил едва уловимое затхлое дуновение и ускорил шаг.

Стены расступились. Свет уже не достигал их, хотя факел горел ровно и ярко. Сводчатый потолок тоже терялся во тьме.

Он бывал здесь невыносимое число раз. Откуда же снова это навязчивое ощущение чьего-то присутствия, разве не канули в землю те, чьи имена высечены здесь, на камне?

Факел выхватил из темноты неправильной формы колонну – тяжелую, приземистую. Поверхность ее казалась покрытой сетью замысловатых кружев.

Откуда знает лист на дереве, когда вырываться из почки? Когда оборачиваться к солнцу, когда менять цвет и падать под ноги живущим? Разве самый последний лист не продолжает веточку, не продолжает ветвь, не продолжает ствол, разве самый напоследний листочек не есть посланец корней, которые и видеть-то дано не всякому?

Он провел рукой по избороздившим камень древним письменам.

«И воззвал могущественный Сам-Ар, скликая союзников, и был его рев подобен голосу больного неба, и были его слова горьки, как отравленная медь. Сзывал он детей своих под свое крыло, и племянников, и всех родичей, носивших огонь... И была великая битва, и пали под ударами Юкки дети его, и племянники, и родичи, исходящие пламенем... Огляделся Сам-Ар и увидел чудовищного Юкку,

снова поднимающегося из воды... И сразились они, и солнце закрыло лик свой от ужаса, и звезды бежали прочь, и ветер, обожженный, ослабел и рухнул на землю... Непобедим был Сам-Ар, и одолевал уже он, но Юкка, да изведет проклятие его имя, исхитрился подло и захлестнул в петли свои Сам-Ара, и увлек в пучину, и угасил пламя его, и обезоружил его. Так погиб могущественный Сам-Ар, и помните, потомки, чья кровь питает вас»...

Он читал с трудом – кое-где текст истерся, осыпался, хоть много веков его не касались ни солнце, ни дождь, ни ветер.

Надо решаться, подумал он устало. Все сроки прошли. Надо решаться, и то, что должно быть совершено, да свершится. «Чья кровь питает вас»...

Он обошел приземистую колонну кругом – на другой ее стороне высечен был рисунок – огромный, прекрасно сохранившийся: хлестали морские волны, поднималось из глубин отвратительное, вселяющее ужас чудовище, а над ним вился в небе огнедышащий дракон.

«Чья кровь питает вас»...

Надо решаться. Необходимо. Ведь это всего лишь ритуал, тягостный, но совершенно безобидный. Всего лишь ритуал.

Сквозь темноту он прошел к другой колонне, такой же массивной и бесформенной. Поднес факел, вглядываясь в знаки, символы, обрывки текстов...

«Дни... прославится... опустошает... имя Лир-Ира, сына Нур-Ара, внука... его преуспеяние в промысле».

Преуспеяние...

Обратный путь он проделал решительно, даже поспешно. Переходы замка были известны ему с колыбели, при случае он мог обойтись бы без факела – свет был необходим ему только для того, чтобы разбирать вырезанные на камне письмена.

В большой и пыльной комнате, где узкое окошко нехотя цедило серый свет, он погасил факел и подошел к большому надтреснутому зеркалу.

Надо решаться.

Явился из глубин памяти сладкий цветочный запах, потемнело в глазах, тугой волной накатила тошнота, и только отчаянным усилием воли ему удалось справиться с собой.

Проклятая слабость...

Он провел рукой по тусклой зеркальной поверхности, стирая толстый слой пыли.

Из мутной глубины на него глянул узколицый темноволосый человек, невысокий, худощавый, чем-то подавленный и удрученный.

Надо решаться.

Он снова провел ладонью – зеркало засветилось изнутри. Зарябили блики, цветные пятна, появилась большая лошадиная голова, потом копыто... Колесо повозки...

Подавшись вперед и нахмурившись, он вглядывался в сменяющие друг друга картины.

Много людей, суета... Похоже, ожидается праздник... Горы шляпных коробок... Карнавал, будет шляпный карнавал. Разукрашенные башни королевского дворца... Полотер с тряпкой, повара на кухне... Портьера...

За портьерой паж бесстыдно задирает чью-то юбку... Снова кухня... Бальный зал... Девушки... Женщины... Какой галдеж!

«Примерьте, принцесса!» – зеркало донесло приглушенный обрывок разговора.

Принцесса...

Он прищурился.

Очаровательное юное создание, светлые кудряшки, круглые голубые глаза, пышное платье цвета бирюзы...

«Дивно, принцесса!»

Чьи-то руки водрузили на белокурую головку большую бархатную шляпку, голубую, нарядную, и на верхушке ее он разглядел декоративную лодочку под парусом.

Он стиснул зубы. Помните, чья кровь питает вас.

* * *

Шестнадцатилетняя принцесса Май отступила еще на шаг, потрянула кудряшками и счастливо рассмеялась. Довольно улыбнулся шляпных дел мастер, благосклонно кивнули две портнихи, а горничная, с трудом удерживающая большое овальное зеркало, пробормотала под нос что-то одобряющее.

Бирюзовое с серебром платье облегло точеную фигурку принцессы мило и естественно, крохотные, расшитые драгоценностями туфельки дробно постукивали от радостного нетерпения, сияли ясные голубые глаза в дымке тончайшей вуали, а шляпа...

Шляпных дел мастер крикнул и в который раз удовлетворенно потер руки.

Шляпка маленькой принцессы Май обещала стать настоящим событием предстоящего шляпного карнавала. Изготовленная с замечательным искусством, она изображала бурю на море – поверх широченных полей гуляли голубые бархатные волны с кружевными барашками пены на гребешках; одна волна, самая высокая, вздымалась над тульей, приподнимая рыбацью лодочку под белым накрахмаленным парусом – крохотную, не больше табакерки. В лодочке боролся со стихией фарфоровый рыбак – присмотревшись, можно было сосчитать пуговицы на его куртке, терзаемой невидимым ветром. Когда Май покачивала головой, лодочка кренилась то вправо, то влево, колыхался парус, играли блески на поверхности бархатного моря, и у всех захватывало дух от

мужества фарфорового рыбака.

– Дивно, принцесса, – сказала горничная. Ее товарки – а в просторной гостиной их было видимо-невидимо – согласно закивали головами.

Маленькая Май совершенно не умела еще скрывать свои чувства – забыв, что принцессе приличествуют выдержка и достоинство, она принялась радостно и шумно кружить по комнате.

Сестра ее Вертрана, тоже принцесса, но двумя годами старше, усмехнулась снисходительно. Вертрана не уступала сестре в изяществе и миловидности, разве что кудряшки у нее были темнее, а нрав несколько серьезнее. Сейчас она примеряла восхитительное платье цвета чайной розы с маленьким бантиком на правом бедре, и длинные кружевные перчатки. На шляпе ее вели хоровод веселые поселяне – но не фарфоровые, а атласные, набитые ароматическими солями и расточавшие поэтому тонкий, изысканный запах, который вряд ли свойствен настоящим танцующим крестьянам.

– Я обожаю тебя, Верта! – Май, чуть не сбив с ног снующую вокруг сестры портниху, кинулась Вертрране на шею и чмокнула ее в щеку так искренне, что фарфоровый рыбак едва не опрокинулся в бархатную пучину.

– Ах, Май, – и Вертрана снова снисходительно улыбнулась.

– Я обожаю тебя, Юта! – воскликнула Май и, оставив Вертррану, обвила руками шею своей самой старшей сестры, которая примеряла платье в углу возле дверей.

Та вздрогнула и отстранилась, одарив Май вымученной улыбкой. Платье принцессы Юты было розовым, как младенец. Оно казалось коротковатым – подол болтался высоко над землей, открывая взорам большие, чуть косолапые ступни. Юта уставилась в зеркало тупо и мрачно – а из зеркала на нее тупо и мрачно взирала некрасивая долговязая девица, которой роскошное платье шло так же, как парчовый жилет балаганной обезьянке.

– Не сутультесь, принцесса, – деловито потребовала портниха.

Юта ответила ей тяжелым взглядом.

– Шляпку, ваше высочество, – почтительно предложил шляпных дел мастер.

Юта отвернулась.

Шляпка, впрочем, была совсем не плохая – она изображала поединок дня и ночи. Со стороны ночи мерцал черный бархат, усыпанный маленькими стеклянными звездами, со стороны дня – трепетал лоскутками розовый шелк, и над всем этим покачивались на ниточках золотое солнце с иголками-лучами и перламутровая пуговица-луна.

– Отвратительно, – сказала Юта.

Мастер обиженно захлопал глазами:

– Но, принцесса, это же одобренный вами эскиз! Все... все в точности...

Веселая конопатая горничная с пучком железных шпилек во рту уже крепила шляпку к жестким Ютиным волосам.

Юта метнула безнадежный взгляд в зеркало – теперь поля скрывали половину лица, коротенькая вуаль свисала с кончика острого носа, а большой тонкогубый рот под ее бахромой кривился в презрительной гримасе.

– Может, убрать вуальку? – предположила конопатая горничная. Портниха прищурилась оценивающе, одернула подол пышного розового платья:

– Вуальку надо погуще... Совсем густую, понимаешь? И длинную, до шеи...

Смышленная горничная закивала, едва сдерживая смех. Или Юте показалось?

Снова подскочила принцесса Май, радостно всплеснула руками, принялась трогать и луну, и солнце, укололась о золотой луч, расхохоталась:

– Юта, это чудо! Как здорово, какое у тебя платье!

Маленькая Май была наивна даже для своих шестнадцати лет. Вертрана поглядывала на Юту издали, вздыхала и поправляла бантик на правом бедре.

Юта между тем вертела шляпку так и сяк, надвигала на лоб и натягивала на затылок, кусая губы и становясь от этого еще некрасивее. Горничные искоса переглядывались за ее спиной; ловя в зеркале их взгляды, она едва сдерживала злые слезы. Уродина. Как ни верти – уродина.

– Ваше высочество, – мягко начал мастер, но его дернули за рукав, и он растерянно замолк; кто-то в углу хихикнул тонко, на него зашикали сразу несколько голосов. Юта покраснела, как рак.

– А ты не горбься, Юта, – издали посоветовала принцесса Вертрана.

– Не грызи губы, не морщи лоб и не кривись так – тебе не к лицу...

Сестра ее развернулась резко, как на пружине:

– Зато тебе к лицу... Тебе к лицу эта... это...

Она так и на придумала, что сказать дальше. Горничные зароптали удивленно, Юта повернулась на каблуках и выскочила из гостиной, хлопнув дверью.

Маленькая Май широко распахнула голубые глаза, которые тут же наполнились слезами:

– Зачем же... Портить себе праздник...

– И другим, между прочим, – негромко заметила Вертрана, снова поворачиваясь к зеркалу.

Три королевства существовали бок о бок вот уже невесть сколько веков, и, если верить летописям, войны между ними случались только дважды: первый раз, когда принц страны Контестарии похитил принцессу из соседней Акмалии и взял ее в жены без разрешения родителей, а спустя пару сотен лет второй раз – когда какой-то акмалийский жестянщик, подвыпив в трактире, оскорбил действием вертевшуюся под ногами кошку, которая, как известно, является

геральдическим зверем королевства Верхняя Конта. В остальное же время три королевства сосуществовали тихо и мирно, время от времени заключая междинастические браки, так что все три королевских двора находились друг с другом в некотором родстве.

...Плескались на ветру флаги со свирепыми кошачьими мордами. Подготовка к шляпному карнавалу на какое-то время вытеснила все другие заботы. В этом году празднество устраивала Верхняя Конта, и Юта, слоняясь по дворцовым переходам, то и дело натыкалась на своего отца – король метался, спеша отдать последние распоряжения, бормоча свое любимое ругательство – горрргулья... Взмокшая, раскрасневшаяся свита огибала Юту, как нежелательное препятствие.

С минуты на минуту ожидалось прибытие августейших особ из сопредельных государств – Юте видно было из окна спальни, как впопыхах расстилаются ковровые дорожки на булыжнике дворцового двора, как выстраивается оркестр, сверкая до блеска начищенной медью. Мелькали в радостной сутолоке кудряшки Май, бирюзовое платье, шляпка со вздымающейся волной – маленькая принцесса деятельно включилась в предпраздничную суматоху.

Послониавшись по дворцу, постояв у книжного шкафа и повертев в руках до дыр зачитанный роман, Юта одернула злополучное розовое платье и направилась на половину матери.

В покоях королевы никого не оказалось. Открытым стоял клавесин, горкой громоздились на его крышке шляпные картонки, на ковре лежали забытые пальца. Юта машинально подняла их – ее мать вышивала фрагмент легенды о похищении девушки драконом. Зеленый шелковый дракон был уже готов и извергал оранжевое пламя, а вот жертву его обозначали пока всего несколько стежков.

Не ведая зачем, Юта побрела в покои фрейлин.

Она шла и трогала лепные завитушки на стенах, вздыхала, пыталась достать до носа кончиком языка – благо коридоры были пусты и никто не мог определить, к лицу это Юте или не к лицу. Остановил ее доносящийся откуда-то негромкий разговор; Юта узнала голос матери и завертела головой, пытаясь определить, откуда слышится беседа.

– ...и в этом есть и наша вина, – со вздохом призналась кому-то королева.

Юта, помедлив, повернула на голос и оказалась в комнате, перегороженной тяжелой портьерой. Там, за бархатной стеной, королева выслушивала ответ своей собеседницы:

– Вряд ли, ваше величество. Вы не обделили ее ни заботой, ни любовью.

Сердце Юты на секунду остановилось, чтобы тут же забиться смятенно и беспорядочно.

– Звездочет утверждает, что весь день будет великолепная погода, – фрейлина, похоже, пыталась направить разговор в другое русло.

Королева вздохнула громко и удрученно:

– Ах, дорогая... К ее лицу, к ее фигуре еще и скверный характер, раздражительность и упрямство... Придется посмотреть правде в глаза – она так никогда и не выйдет замуж.

Юта бесшумно повернулась и вышла в коридор. Пробегавший паж со шляпной коробкой испуганно от нее шарахнулся.

Нет, она не станет плакать. Тысяча горгулий! Если бы она ревела каждый раз по любому поводу...

Она брела дворцовыми коридорами, как слепая. Слезы комом стояли у нее в горле.

Во дворе радостно возопили трубы – августейшие гости наконец прибыли. Королевская чета из Акмалии с дочерью Оливией и престарелый король Контестарии с сыном...

Юта всхлипнула.

Сидя на траве в опустевшем дворцовом парке, она решила, что больше никому не испортит праздника. Она... уйдет навсегда. Прямо сейчас.

Ей стало немного легче.

Это была ее любимая игра – В-То-Что-Я-Ухожу-Навсегда. Юта играла в нее, когда не душе становилось совсем уж скверно.

Снова запели трубы. Юта поднялась и, сутулясь больше обычного, побрела к воротам.

Она отправляется в изгнание, она больше никогда не увидит мать, отца, Вертрану и Май. Она никогда не вернется в старый парк, хранящий воспоминания о ее детстве.

Сначала Юта шла довольно решительно, но, с каждым шагом все более проникаясь горечью своего изгнания, в конце концов совершенно искренне в него уверовала, растрогалась до глубины души, и, пробормотав непослушными губами: «Мамочка, любимая, прости» – разрыдалась в объятиях старого платана. Жалобно зазвенело золотое солнце на шляпке, ударяясь о стеклянные звезды.

Слезы помогли ей обрести душевное равновесие.

Усевшись на кромке тихо ворчащего фонтана, Юта опустила подбородок на стиснутый кулачок и глубоко задумалась.

Воистину, если твой нос чуть длиннее, чем принято, рот больше, чем люди привыкли видеть, а ростом ты под стать королевскому гвардейцу – тогда, милостивые господа, времени на размышления у вас предостаточно. Почему-то при слове «принцесса» все расплываются в улыбке и спешат добавить «прекрасная», а если принцесса чуть менее хороша, чем хотелось бы – тут, представьте, и обиды, и горькое разочарование.

В глубине парка застучал дятел – Юта прислушалась и рассеянно улыбнулась. Интересно, как бы дятел ухитрился долбить кору, обладай он маленьким носиком Вертраны!

Юта удовлетворенно потрогала свой нос и улыбнулась шире. Впрочем, улыбка ее быстро погасла.

Вертрана... Совершенно незачем было на нее орать. Гор-ргулья, у нас не так много сестер, чтобы обращаться с ними подобным образом!

Твердо решив сказать сегодня Верте что-нибудь очень приятное, Юта успокоилась.

В чаше фонтана сновали золотые рыбки; Юта сунула руку в теплую, чуть зеленоватую воду, и рыбки тут же принялись тыкаться рыльцами ей в ладонь. Интересно, а как рыбы дышат под водой? Когда-то в детстве Юта тоже попробовала – и чуть не захлебнулась...

Не выдержав щекотных прикосновений, она рассмеялась и выдернула руку, подняв целый дождь разноцветных брызг.

Да, тысяча горгулий, ее нос действительно похож на шило, но, дорогие мои, он способен различать запахи пяти сортов роз, не говоря уже о сыре и мясных подливах! А глазам не величина важна, а зоркость... Губы мы больше кусать не будем, найдутся кушанья и получше, да и горбиться не стоит... И уж конечно, маме придется взять назад свои слова и о раздражительности, и об упрямстве. Десять тысяч горгулий, да разве принцесса Юта не сможет взять себя в руки!

На дворцовой площади снова запели трубы. Юта подскочила, как ужаленная: а ведь Остин-то, наверное, давно приехал!

Она заглянула в воду фонтана – нос и глаза уже никому не могли выдать ее слез – и, подобрав платье, поспешила во дворец.

Посреди самшитовой аллеи ее окликнули. Звонкий голосок Май наполнял, казалось, каждый уголок парка:

– Юта, Юта! А вот ты где!

Рассмеялись несколько молодых голосов.

Юта обернулась.

По дорожке, усыпанной морским песком, важно шествовали Вертрана в обнимку с акмалийской принцессой Оливией, вокруг них весело носилась Май. Наперсница Оливии – а у Оливии была наперсница! – торжественно, как маршальский жезл, несла яркий летний зонтик, а чуть приотстав, шел, жуя травинку, контестарский принц Остин.

Юта на минуту задержала дыхание. Она не видела Остина почти полгода – он загорел, стал, кажется, еще выше ростом и шире в плечах. Воротник тонкой белой рубашки открывал шею и ключицы, и видно было, как покачивается в такт ходьбе камушек-талисман на золотой цепочке.

Юте захотелось убежать, но вместо этого она улыбнулась как могла приветливо и шагнула вперед.

– А где же ты была?! – весело выкрикивала Май. – Церемония встречи, оркестр... А ты знаешь, какая у Оливии карета?!

– Папа заплатил десять мерок золота, – нежным голоском сообщила Оливия, и, если младшие Ютины сестры считались хорошенькими, то акмалийская принцесса слыла красавицей далеко за пределами своего королевства. Сейчас она была в ослепительно-золотом, платье струилось по ней солнечными водопадами, на шляпке красовался золотой лебедь с настоящими перышками и янтарным клювом.

– Привет, Оливия. Привет, Остин, – пробормотала Юта.

Остин заулыбался – привычно обозначились ямочки на смуглых щеках.

– Почему тебя не было на церемонии, Юта? – негромко спросила Вертрана.

Юте тут же расхотелось говорить ей приятное.

Оливия предположила все тем же нежным голоском:

– Юта, наверное, не любит гостей...

Наперсница ее почему-то хихикнула.

Вертрана вдруг страшно расширила глаза:

– Твое платье! – прошептала она с ужасом, и, проследив за ее взглядом, Юта обнаружила пятна на розовом шелке – следы от раздавленных травинок.

– Ничего страшного! – тонко улыбнулась Оливия. – Такие маленькие зеленые пятнышки не в состоянии испортить такое большое розовое платье... Верно, Юта?

Наперсница снова прыснула.

– Только вот, – продолжала Оливия с фальшивой заботой в голосе, – только вот шляпка... Может быть, и к ней пришпилить что-нибудь зелененькое, для ансамбля?

– А правда, у Юты замечательная шляпка? – радостно вмешалась наивная Май. – Там солнце и луна...

Оливия нарочито высоко вытянула точеную шейку, привстала на цыпочки, показывая, как трудно ей разглядеть шляпку долговязой Юты, и сообщила громко:

– Ну, солнце-то я вижу... А вот вместо луны, господи, вместо луны болтается какая-то веревочка... Думаю, луна трагически оторвалась во время прогулки принцессы Юты по парку. Может быть, нам вместе поискать?

– Какая жалость... – прошептала Май, и глаза ее тут же увлажнились.

– Не беда, – бодро вмешался Остин, – у Юты есть время поправить туалет, ведь до начала еще что-то около часа?

– Иди во дворец, Юта, – посоветовала Вертрана.

– Да зачем же! – удивилась Оливия. – Вряд ли станет намного лучше, чем теперь... Разве что Юта наденет совсем уж непрозрачную вуаль!

Ее наперсница с шумом вдохнула воздух и изрекла, с трудом сдерживая смех:

– Да... И завернется... Завернется в нее целиком!

Май только хлопала глазами, а Вертрана молчала, боясь испортить отношения с акмалийской красавицей. Остин, которого покорила выходка Оливии, хотел было сурово одернуть дуэнью, но в этот момент к Юте вернулся дар речи.

– Некоторым нравится таскать за собой болонок и мосек, – сказала она со всем презрением, на которое была способна. – Поздравляю, Оливия: твоя моська во всем похожа на тебя!

– Она моя дуэнья, – невозмутимо отозвалась красавица. – А вот у тебя наперсницы никогда не будет. Дуэнья должна уступать в красоте своей госпоже; представляю, как долго придется искать наперсницу... для тебя!

Остин! Он был здесь и ЭТО слышал.

В два прыжка Юта подскочила к Оливии и вцепилась ей в волосы. Испуганно закричала Май, заметалась Вертрана, застыл на месте принц – ничего этого Юта не видела. Полетели перья из золотого лебедя, дождем посыпались стеклянные звезды, затрещало розовое платье.

Наперсница Оливии с неожиданной прытью набросилась на Юту сзади.

– Уберите от меня эту уродину! – визжала Оливия.

Остину с трудом удалось оттащить царапающуюся, растрепанную Юту от обеих акмалиек. Шляпа, лишившаяся теперь уже и солнца, валялась на траве совершеннейшей тряпкой.

Не заботясь уже о приличиях, Юта оттолкнула руки принца и, перемахнув через самшитовую изгородь, бросилась прочь.

Открытие карнавала пришлось задержать на полтора часа.

Возник вопрос о неучастии принцессы Юты в празднике, и только заступничество принца Остина позволило отсрочить наказание.

Золотое платье Оливии пострадало, к счастью, незначительно – придворным мастерицам удалось полностью его восстановить. Сильнее пострадало прелестное личико красавицы – длинные глубокие царапины пришлось тщательно закрашивать и запудривать.

Юте холодно предложили платье одной из фрейлин и простую гладкую шляпу. Впрочем, ей уже было все равно.

Перед самым началом торжества в спальню Юты заглянула лукавая мордашка Май; маленькая Ютина сестра держала под мышкой шляпную коробку.

– Обещай, что возьмешь!

– А что там? – спросила Юта равнодушно.

– Обещай! – Май егозила от нетерпения.

– Обещаю...

Она раскрыла коробку, когда Май уже унеслась прочь.

Под крышкой лежала, искрясь блестками в бархатном море, шляпка со вздымающейся волной.

Великодушная Май отдала свою шляпку непутевой сестре.

Карнавал давно уже стал любимым праздником во всех трех королевствах.

Залитая солнцем площадь была битком забита, гроздьями висели мальчишки на фонарных столбах, и немислимым цветником колыхались над толпой шляпки – разных размеров, фасонов и цветов. Изобретательные горожане украсили шляпы бубенцами и колокольчиками, вертушками и кремовыми пирожными, а один весельчак – белым мышонком в клетке. С утра, как обычно, поддувал небольшой ветерок, и шляпки во избежание неприятностей накрепко привязали к

подбородкам цветными атласными лентами.

Церемония открылась парадом цеха шляпных мастеров – во главе колонны шагал придворный шляпник, тот самый, что изготовил шляпки принцессам. Над головой его реял цеховой штандарт с изображенным на нем ночным колпаком.

Шляпники выстроились в каре вокруг оббитого коврами помоста, на котором торжественно восседали три королевских семейства. Золотое платье Оливии приковывало всеобщее внимание, только и слышалось: «Ах, какая красавица!»

Юта сидела, не поднимая головы, боясь взглянуть в сторону Остина и спиной ощущая его близкое присутствие.

Король-отец провозгласил небольшую речь о благе и процветании, после чего уступил бразды правления распорядителю праздника, увенчанному огромным белым цилиндром.

Тот выдал каскад шуток – толпа посмеялась. Потом, по сигналу его длинного жезла, увитого плющом, все выпустили из кошельков с утра изловленных и заключенных там ос – ведь, по примете, вслед за осой в кошелек должны посыпаться денежки. Некоторым корыстолюбцам не повезло, и они разочарованно вытряхивали на землю преждевременно издохших насекомых – это, как известно, сулит убытки.

Потом объявили поединок бойцовых ежей. Бои проходили на огромном круглом барабане, толпа вокруг смеялась и рукоплескала, а распорядитель принимал ставки. Ежи, ярко разукрашенные владельцами, сопели и фыркали, топоча по толстой шкуре барабана, то и дело сворачиваясь клубком, чтобы тут же, стремительно развернувшись, ухватить соперника за длинный черный нос. Барабан гудел, отбивая немыслимую дробь; победителем оказалась маленькая, крашенная киноварью ежиха, отличившаяся, впрочем, весьма свирепым нравом.

Подошло, наконец, время демонстрации шляпок. Бархатная волна с лодочкой и рыбаком должна была принести приз своей владелице, но Юта отказалась от участия в конкурсе. Первое место занял, конечно же, золотой лебедь Оливии – хотя и немного ошипанный.

Солнце стояло высоко, первая половина карнавала близилась к концу. Предстояли еще ночные забавы – хороводы с факелами, бесплатное вино за счет цеха шляпников и фейерверк за счет государственной казны, а также всеобщие пляски и ликование.

Королевские семьи поднялись, чтобы после круга почета вернуться во дворец и отдохнуть до наступления темноты.

Дворцовый оркестр грянул – немного нестройно; поредевшая толпа приветственно замахала платочками, а распорядитель опустил свой жезл и с облегчением вытер лоб кружевным обшлагом.

Дунул ветерок и освежил горячий Ютин лоб – ничего удивительного, если б в ту же секунду этот ветерок не сменился сильным порывом тугого горячего ветра.

Протестующе заворчали горожане – у кого-то все-таки снесло шляпку.

Юта двумя руками взялась за голубые бархатные поля и посмотрела на солнце.

Солнца не было. На площадь упала густая черная тень, хотя дворцовый звездочет уверенно предсказывал совершенно ясную погоду.

Снова налетел ветер – внезапный, свирепый. Площадь накрыла волна резкого неестественного запаха, от которого слезились глаза и высыхала гортань.

На мгновение стало тихо – так тихо, что явственно донесся с высоты свист рассекаемого воздуха. Солнце показалось снова и снова пропало, будто закрытое бешено несущейся тучей.

– А-а-а!!

Пронзительный женский крик взорвал всеобщее оцепенение. Охваченные ужасом, горожане бросились кто куда – топча друг друга и опрокидывая праздничные повозки.

Юта стояла на покрытом коврами помосте и всеми силами удерживала на голове шляпку Май – ничего важнее она пока не могла придумать.

Она видела, как ее отец, обнимая одной рукой Вертрану, а другой – королевую жену, пытается протиснуться сквозь толпу к стоящей в отдалении карете, как Остин заталкивает Май под помост, как не утратившая самообладания Оливия пробирается туда же, как вертится посреди площади пыльный смерч, в котором обезумевшими бабочками пляшут сорванные цветные флажки...

Тьма сгустилась.

Юта подняла голову и увидела в небе над собой коричневое чешуйчатое брюхо с прижатыми к нему растопыренными крючьями когтей. У нее ослабели колени.

– Беги, Юта, спасайся!

Ей показалось, что она слышит голос Остина.

По-прежнему удерживая шляпку двумя руками, Юта сорвалась с места в полной уверенности, что не остановится уже никогда.

Она неслась по опустевшей площади, неслась вслепую, и ее преследовал волнами накатывающий запах. Она спотыкалась о брошенные сумки, флаги и погремушки, а над ней кружил, заполняя собой все небо, чудовищный крылатый ящер – дракон.

– Юта-а!

Она увидела Остина.

Он несся к ней огромными скачками, широко раскрыв рот, но крик его тут же уносило ветром.

Юта повернула было ему навстречу, но Остин вдруг оказался внизу, под ней. Она какое-то время видела его запрокинутое лицо, искаженное страхом, распахнутый ворот рубашки и камушек-талисман на золотой цепочке, но потом площадь вдруг опрокинулась, как блюдо, и Остин сделался маленьким, как фарфоровый рыбак на голубой шляпке.

Юта увидела сверху дворец, парк, площадь и улицы, мечущихся в панике людей...

Крепко удерживаемая в когтях дракона, принцесса Юта уносилась все дальше и дальше от дома, увлекаемая неведомо куда отвратительным чудовищем.

Тогда она закричала – но никто ее не услышал.

II

Скалится призрак моих неудач.

Сам себе лекарь.

И сам – палач.

Арм-Анн

* * *

Ледяной ветер поднебесья хлестал Юте в лицо, забивался в гортань и перехватывал дыхание; пышные юбки хлопали, как ослабевшие паруса, и били по бешено молотящим в воздухе ногам. Она потеряла сначала одну туфлю, потом другую. Когти дракона сжимали ее, словно стальные обручи, больно давили на ребра и не давали вывернуться.

Встало на дыбы ослепительно голубое небо, вспыхнуло и погасло солнце, медленно и как бы нехотя повернулась вниз земля. Снова небо; Юта орала, срывая голос, и вырывалась изо всех сил.

Поля складывались мозаикой – желтый квадратик к черному. «Лоскутное одеяло», – мелькнуло где-то на краю Ютиного сознания. Голубой змейкой извивалась речушка, а там, дальше, синей дугой вставало море.

Ветер сносил прочь пронзительный драконий запах; поворачивая голову, она видела невысоко над собой коричневую чешую и мерно взмахивающие перепончатые крылья.

Снова небо, белое беззаботное облачко, горизонт, и небо опять... Юта дернулась, ссаживая бока о стискивающие ее когти, извернулась и изо всей силы ударила ногами по жесткой мускулистой лапе. Дракон не обратил на это никакого внимания.

Сжав зубы, глубоко вдохнув, Юта заставила себя расслабиться.

Она безвольно обвисла в удерживающих ее когтях, зажмурившись и считая про себя: пятнадцать, шестнадцать...

Когти дрогнули.

Дракон, видимо, решил, что жертва задохнулась, и ослабил хватку.

Чуть-чуть.

Этого чуть-чуть Юте хватило. Рванувшись из последних сил, отчаянно оттолкнувшись локтями и коленями, она вывалилась-таки в пустое небо.

Казалось, она оглохла – вокруг встала стена ревающего ветра, юбки захлестнули Юту с головой, и когда она снова увидела землю – непонятно, вверху или внизу – земля была уже намного ближе.

Растопырившись и замерев, как зимняя лягушка в толще озерного льда, забыв от ужаса даже зажмурить глаза, Юта летела, падала, проваливалась в воздушную яму; в следующие несколько мгновений земля стремительно потеряла сходство с лоскутным одеялом и бросилась ей в лицо.

На некоторое время ее сознание помутилось. Ощувив толчок и внезапную боль, она решила было, что уже разбилась насмерть и лежит, окровавленная, где-нибудь в поле; но ветер все так же трепал ее платье и волосы, и, приоткрыв глаза, она увидела, как земля удаляется.

В последнюю секунду дракон подхватил выскользнувшую жертву, и теперь его когти сжимали Юту еще крепче, еще сильнее впивались в ребра и не давали продохнуть. Впрочем, у принцессы уже не было сил бороться – она только слабо возилась, тщетно пытаясь разжать чудовищные когти. Это причиняло больше неудобств ей самой, нежели дракону, но Юта не сдавалась, сучила ногами и, изогнувшись, пыталась укусить покрытую мелкой чешуей лапу.

Сквозь туман, вставший у нее перед глазами, она видела все же, как поля внизу сменились густыми лесами, где ни дороги, ни просеки; временами она впадала в беспамятство, а тем временем леса сменились каменистой равниной, потом встали серые с прозеленью скалы, о которые разбивался прибой – дракон занес Юту на морской берег.

Юта видела узкой косой выдающийся в море скалистый гребень, заканчивающийся огромной, странной формы горой; дракон резко свернул, и Юта поняла в ужасе, что это на самом деле замок – полуразрушенный замок, угнездившийся в скалах. Неровные башни торчали подобно гнилым зубам; дракон стал опускаться кругами, будто давая Юте возможность рассмотреть покосившийся подъемный мост, слепые окна-бойницы и круглую черную дыру – вход в тоннель, ворота для дракона.

При виде тоннеля силы Юты мгновенно удесятерились – она рвалась и сопротивлялась, как дикая кошка; дракон зашипел и ринулся в черную дыру.

Рот и нос Юты моментально наполнились пеплом и копотью, лишив ее возможности кричать. Задержись дракон на мгновение в тоннеле – и она наверняка задохнулась бы, но ящер, молниеносно миновав совершенно черный коридор, ворвался в ярко освещенное помещение.

Тут страшные когти наконец разжались, и Юта почувствовала босыми ступнями холод каменных плит.

Не удержавшись на ногах, она села на пол и огляделась, как во сне. Круглый зал размерами и убранством был под стать дракону; через неправильной формы отверстие в потолке падал широкий солнечный луч.

В центре зала привиделось Юте громоздкое сооружение – стол, похожий одновременно и на алтарь, и на жертвенник. В центре его выпирал заостренный

железный шип, а у подножия – Юта похолодела – горой лежали невиданные, отвратительные инструменты, вызвавшие в спутанном сознании пленницы образ не то лавки мясника, не то камеры пыток. Затуманенный Ютин взгляд не мог различить уже, что там еще горами свалено в отдаленном темном конце зала; за ее спиной удовлетворенно зашипел ящер.

Конец принцессы Юты оказался страшнее самых страшных сказок.

Издав короткий сдавленный крик, жертва дракона лишилась сознания.

* * *

Перед глазами ее плясали желтые огоньки. Она полулежала на мягком, ее окружали тепло и тишина.

Горгулья, какой отвратительный сон!

Она потянулась, не открывая глаз.

Где она? Не похоже, чтобы в своей привычной постели. Может быть, она снова задремала над книжкой в любимом мамином кресле?

Мама вышивала шелком сюжет старинной легенды о девушке, похищенной...

Драконом?!

Она открыла глаза и села.

В просторном зале было достаточно светло; догорали поленья в камине, и Юта действительно сидела в кресле – но совершенно незнакомом, изрядно вытертом и таком большом, что в нем могло поместиться еще полдюжину принцесс. Прямо перед собой она увидела стол, до краев уставленный тусклыми винными бутылками, по другую сторону стола – горгулья!

– в таком же кресле восседал совершенно незнакомый мужчина, темноволосый, худощавый, со страдальческой складкой между сдвинутыми бровями. Склонив

голову на плечо, он не то раздумывал о чем-то, не то дремал.

Совершенно сбита с толку, Юта некоторое время сидела тихо, пытаясь вспомнить, что произошло, как она сюда попала, и, главное, кто этот незнакомец, имеющий дерзость находиться наедине со спящей принцессой?

Может быть, она заболела, и это – врач?

Мысли ее путались; она не могла довести до конца ни одну цепочку рассуждений, и, отчаявшись в конце концов, решилась разлепить губы и тихонько позвать:

– Эй...

Незнакомец поднял голову.

У него были совершенно трагические, усталые глаза – как показалось Юте, темно-зеленые. Увидев, что принцесса проснулась, он не выразил ни радости, ни хотя бы заинтересованности.

Некоторое время они смотрели друг на друга – незнакомец угрюмо, Юта – со все нарастающим смятением.

Наконец, незнакомец со вздохом подался вперед и поставил на стол пустой стакан, который все это время держал в руке.

Юта спросила шепотом:

– Вы – доктор?

Незнакомец криво усмехнулся, и Юта поняла – нет, он не доктор. Раздосадованная собственной робостью, она спросила громче и решительнее:

– Так кто же вы, горгулья, такой и что вы здесь делаете?

Незнакомец уставился на нее озадаченно, потом протянул руку к ближайшей пузатой бутылке и наполнил из нее свой стакан. Отхлебнул, поморщился, снова устало взглянул на Юту. Поднял брови:

– Хороший вопрос... Вы что же, совсем ничего не помните, принцесса?

Голос его был чуть хрипловат – Юта могла поклясться, что никогда не слышала его раньше.

Незнакомец между тем поднялся, причем с видимым усилием – наверное, он уже достаточно много выпил.

– Разрешите вам напомнить, принцесса, – он странно усмехнулся, – разрешите вам напомнить, что вас похитил дракон.

Юта похолодела.

– Нет, – пробормотала она дрогнувшим голосом, – мне только приснилось, что меня похитил дракон.

Незнакомец поднял глаза к потолку:

– Хорошо. А до этого вам приснилось, что вы были на карнавале... В синей шляпке с лодочкой, ведь так? – и он уставился на Юту в упор.

Спина Юты, нос и ладони мгновенно покрылись испариной.

Она вспомнила резкий драконий запах, пеструю землю, плывущую далеко внизу, ветер поднебесья, замок на скалистой стрелке, выдающейся в море... Было или привиделось?

Под насмешливым взглядом незнакомца она обнаружила вдруг, что сидит босая, что ребра ее ноют, а кулаки, молотившие по жесткой чешуе, покрыты ссадинами.

– Горгулья... – пробормотала она потрясенно.

Незнакомец фыркнул.

Постойте-ка, подумала Юта, а страшный зал с отвратительными орудиями, зал, куда приволок ее ящер – он тоже был? Или это уже бред?

Но если дракон действительно принес ее в замок, чтобы съесть, и если он не съел ее, а вот она сидит живая, не значит ли это...

Она совершенно другими глазами взглянула на незнакомца, который стоял перед ней, покачиваясь и ухватившись для верности рукой за спинку кресла.

Страшно подумать, как опасен для человека поединок с драконом. Не удивительно, что рыцарь, одолевший ящера, столько пьет.

– Я не забуду, – сказала Юта дрожащим голосом. – Вы увидите, что я могу быть благодарной. Вы уже знаете, я принцесса... Вы, наверное, видели меня на карнавале в этой злополучной шляпке... Да, конечно, вы были там и видели, как отвратительный ящер... смрадный дракон, как он похитил меня...

Незнакомец смотрел на нее во все глаза.

– Вы благороднейший и доблестнейший рыцарь, – продолжала Юта, все более воодушевляясь. – Я отблагодарю вас по-королевски... Мой отец, король Верхней Конты, выполнит любое желание человека, спасшего его дочь из лап... из гадких лап... – она готова была заплакать или заплодировать.

– О чем вы? – спросил незнакомец глухо.

– Но ведь это вы спасли меня? – Юта широко улыбнулась, отчего ее большой рот растянулся до ушей. Незнакомец отвернулся.

– Но ведь вы? – повторила Юта растерянно и немного обиженно. Незнакомец глянул на нее исподлобья, и во взгляде его она прочла нарастающее раздражение:

– Я – спас?

Юта кивнула:

– Из лап чудовища... Извините, если я не то сказала, но ведь кто-то же меня освободил!

Незнакомец осторожно поставил на стол опустевший стакан.

В то же мгновение тяжелое кресло, в котором он сидел за несколько минут до того, отлетело в сторону, как перышко. Незнакомец вдруг вырос под сводчатый потолок, выгнулся дугой, вскинул руки, из которых тут же выросли огромные перепончатые крылья. Вместо головы его на плечах уже сидела увенчанная костистым гребнем, снабженная зубастой пастью башка, а по плитам пола постукивал невесть откуда взявшийся чешуйчатый хвост. Однако раньше, чем старый Ютин знакомец, дракон, закончил свою метаморфозу, несчастная принцесса глубоко и надолго погрузилась в забытие.

* * *

Он привык называть себя Арманом, хотя имя его было Арм-Анн, и в звучании этого имени эхом отзывались все двести поколений его предков – могущественных драконов-оборотней, чьи имена хранила каменная летопись подземного зала. Одиночество его, длившееся два столетия, наполнено было их присутствием – каждый раз, спускаясь с факелом в недра замка, он ощущал на себе взгляды бесчисленных горящих глаз.

Разве самый последний листочек на дереве не есть посланец корней?

Бесконечно свободные в небе и на земле, неукротимые и почти неуязвимые – предки его были тем не менее рабами Закона, и несли свое рабство с радостью, и считали его привилегией.

Тысячелетиями они гордо выполняли ритуал, дающий им право бестрепетно смотреть в глаза соплеменникам. Они жили и умирали в согласии с собой, в мире со своими родичами и почитаемые потомством.

Не раз, щурясь от факельного дыма, проводя рукой по каменным письменам, Арман читал, с трудом разбирая знаки и слова:

«Юное существо, дева... венценосная добыча... украшение твоего промысла... Да укрепит тебя жизнью своей, и радостью, и младостью... Преуспей в промысле и выполни Ритуал, и поднимись к звездам, и жар гортани твоей сравнится с солнечным пламенем...»

Тысячелетиями драконы похищали юных пленниц из людских поселений – принцесс, дочерей воевод и вождей, великих и малых властителей.

В ритуальной комнате – круглом зале с отверстием в потолке – огнедышащие ящеры торжественно вкушали добычу.

Множество раз Арман брался читать описание этой трапезы, но так ни разу и не добрался до конца. Стена же покрылась таким толстым слоем факельной копоти, что знаки невозможно стало различить.

Однажды, как повествует летопись, пленнице удалось спастись – ее вызволил богатырь-колдун, вступивший в схватку с ящером и одолевший его.

С тех пор ритуал изменился – несколько уязвленные драконы уже не расправлялись с пленницами немедленно, но заточали их в башню, будто бы бросая вызов возможным освободителям. Узнав о похищении принцессы, рыцари окружили башню и отправлялись ее выручать; множество их трагически погибало, однако история сохранила имена нескольких счастливиц, сумевших-таки добиться своего. Вероятно, на их долю выпадали совсем уж старые, или больные, или немощные драконы. Или?..

Много лет Армана мучил этот вопрос. Неужели та странность, тот болезненный изъян, который он ненавидел в себе и берег, прятал, загоняя в потаенные уголки сознания – неужели изъян этот проявлялся когда-то в ком-то из славных его предков?

Обнадеженный и раздираемый сомнениями, он снова и снова спускался с факелом в подземный зал и вчитывался в каменную летопись; снова и снова он получал ответ: нет. Те сумасшедшие юноши, которым удавалось отвоевать заточенную в замке принцессу, были попросту счастливицами – ни один дракон не отдал пленницу добровольно. Он похищал ее, чтобы пожрать: «Преуспей в промысле и выполни Ритуал»...

Необузданные и могучие, они поступали так, как велел Закон. Они были счастливы, вступая в поединок, и досадовали, если противника хватало на один лишь язычок огня. Исполнив ритуал, они, воодушевленные, устраивали игрища, которые часто заканчивались смертоубийством, потому что высечено на древнем камне: «...Пращуров почитай, и теплый ветер поднимет крылья твои, и твои потомки будут почитать тебя... Но брат твой, чья молодость приходится на твою – беда твоя... Бейся, покуда не иссякнет огонь в глотке его...»

Теперь иссяк и сам род. Последний потомок парит над замком, последний потомок бродит с факелом в подземелье.

«Промысел твой – честь и сила твоя. Преуспей в промысле, и не угаснет твое благодатное пламя»...

Арм-Анн, привыкший называть себя Арманом, не преуспел в промысле.

Бывали дни, когда он совсем об этом не думал – небо и море в такие дни имели свой обычный цвет. Если бы таких дней было больше, он смог бы спокойно дожить до старости.

Но в другие дни – серые, сухие, подернутые мутной пеленой, когда накатывали раскаяние, застарелое чувство вины, тоска и безысходность – в такие дни он ощущал свою неполноценность так остро, что не хотелось жить.

Он был вырождением, одиноким уродом, отщепенцем – и он был последним листком на древе, чахлым посланцем могучих корней.

Двести поколений его пращуров смотрели на него с покрытых клинописью стен. Иногда ему казалось, что он сходит с ума.

Во что бы то ни стало он должен был исполнить требование древнего Закона, однако сама мысль о ритуальной комнате была ему страшна и противна.

Двести первый потомок был подвержен ночным кошмарам. Просыпаясь в холодном поту, он мог вспомнить только сладковатый цветочный запах, от которого слабели колени и подступала тошнота. Стиснув зубы, он пытался расшевелить свою память – и упирался в тупик, потому что вспоминалось всегда

одно и то же – круглые комья глины, скатывающиеся по склизкому склону, деревянные пуговицы, скатывающиеся по наклонной доске, и голоса – возможно, отца, которого он плохо помнил, или матери, которую он не помнил совсем.

Каждый раз, вылетая из замка в обличье дракона и возвращаясь назад, он вынужден был передергиваться, попадая в ритуальную комнату – а миновать ее никак нельзя было, так как драконий тоннель брал там свое начало.

Измученный все нарастающей внутренней борьбой, Арман тысячу раз принимал решение и на тысячу первый понял, что отступить некуда.

В тот день он бесконечно долго кружил над морем, а море было так спокойно и прозрачно, что, скользя над солнечными бликами, покрывавшими его поверхность, он мог видеть далекое дно. Потом, свечкой взмыв к солнцу, он вдруг ощутил внутри безмерную легкость и столь же безмерную пустоту. Он решился.

План его был прост, с его помощью хитроумный Арман рассчитывал примириться с родом, избежав при этом Ритуала.

Похищенная принцесса должна некоторое время томиться в башне, рассуждал Арман. Достаточно, чтобы хоть один витязь пожелал отбить ее в честном бою; Арман же позаботится, чтобы этому храбрецу повезло.

Нынешнее поколение витязей было, правда, трусовато и мелковато в сравнении с прежними, зато имело достаточно слабое представление о драконах и могло не знать, что на самом деле даже великий воин обречен, вступая в схватку со здоровым и сильным ящером. Арман решил сыграть на этой неосведомленности.

Один витязь, одного достаточно! Одного глупого, наивного, храброго, расчетливого, доблестного, хитрого – лишь бы приехал и поднял копье, вызывая дракона на битву.

Тут таился еще один секрет, на который Арман рассчитывал более всего. Дело в том, что по неписанному, но свято соблюдаемому человеческому закону освободитель должен был жениться на освобожденной.

Приманка, думал Арман, едва не касаясь воды перепончатым крылом. Кто не хочет жениться на прекрасной принцессе? А нужен всего один храбрец, и похищение закончится не в ритуальной комнате, а за свадебным столом...

При мысли, что тягостное чувство собственной вины и ущербности будет скоро забыто, он ощутил почти что испуг.

Приманка. Похищенная должна быть желанна, и не только королевским происхождением. Это очень важно – не ошибиться. Та, кому предстоит быть заточенной в башне, должна являться рыцарям в грезах, лишая сна...

Из магического наследия предков Арману достались только пара заклинаний да зеркало – мутное, покрытое сетью трещин, обладавшее способностью показывать в своей темной раме события, происходящие далеко за стенами замка. Отношения зеркала и его владельца складывались непросто – виной тому был скверный нрав самого зеркала; порой оно отказывалось служить, и Арман много раз с трудом удерживался, чтобы не расколоть его окончательно.

Впрочем, в день шляпного карнавала магическое зеркало было достаточно милостиво; из пестрой предпраздничной суеты глаз Армана безошибочно выхватил юную принцессу Май.

Очаровательное, веселое, грациозное создание, рожденное, чтобы пленять сердца. Прекрасная принцесса. Та, ради которой рыцарь может отважиться на смертельную схватку. Драгоценный приз в опасной игре.

Арман тщательно запомнил шляпку с лодочкой – такую шляпку невозможно пропустить или перепутать с другой. Вздыхающаяся волна должна была послужить ему приметой, видимой с воздуха, путеводным маяком. Большое стечение народа, карнавал, суета и шумиха были как нельзя кстати – тем скорее разнесется слух о похищении, тем беспокойнее забьются сердца рыцарей, воинов и витез, желающих прослыть героем и заполучить в жены прекрасную принцессу...

Он сделал все, как хотел.

Праздничная площадь казалась с высоты нарядным муравейником. Он видел, как оцепеневшие было люди кинулись врассыпную, и испугался было, что не

найдет в водовороте цветных шляпок ту одну, единственную; но потом, опустившись ниже, увидел ее на королевском помосте, совершенно неподвижную – принцессу, похоже, парализовало страхом.

Он уже вытянул когтистые лапы, но принцесса опомнилась и побежала. Он неся над ней, примериваясь, чтобы ухватить жертву поаккуратнее. В последний момент она чуть не улизнула, но он рванулся – и ощутил в лапах драгоценную добычу.

Он нес ее осторожно, как мог. Вместо овечки в когтях его оказалась дикая кошка, отчаянная и коварная – однажды он упустил ее и потом едва поймал. Признаться, он не ожидал от юного хрупкого существа такого бешеного сопротивления.

Он втащил ее в замок через Драконьи Врата. В ненавидимой им ритуальной комнате столбом стоял солнечный свет.

Он поставил ее на пол. Возможно, она хлопнется в обморок – это так естественно для принцессы.

Он впервые взглянул на нее – и сам едва не лишился чувств.

– Откуда у вас эта шляпка?

Юта молчала, забившись в угол у камина.

– Откуда у вас эта шляпка? Кто вы такая?

Юта шумно втянула воздух. Выдохнула со всей гордостью, на которую в этот момент была способна:

– Я принцесса!

Арман фыркнул. Когда он фыркал в драконьем обличье, из ноздрей его вырывались снопы искр. Сейчас он был в обличье человека, но Юта все равно не могла смотреть на него без содрогания.

Арман, глядя на нее, содрогался не меньше.

Да, витязь должен быть слеп, как крот, чтобы пожелать эту девку в жены! А уж поединок с драконом...

Перед внутренним взором Армана снова возникли бесформенные комки, скатывающиеся по склизкой поверхности. Усилием воли он отогнал видение.

– Я принцесса, – сказала Юта тихо и твердо.

Ничего, бодро подумал Арман. Ничего... Возможно, не все еще потеряно и, скажем, завтра удастся что-нибудь придумать. Или послезавтра... Но не сейчас, не теперь.

И, тщательно изгнав из головы все мысли, он сделал суровое, подобающее случаю лицо и сказал:

– Объявляю вам, принцесса, что отныне вы моя пленница. Сейчас я посажу вас в башню, где вы будете заточены до тех пор, пока... – он проглотил застрявший в горле ком, – пока не отыщется смельчак, который решится вас освободить... Если он вообще отыщется, – добавил он тише.

Юта взглянула на него расширенными глазами. Всклипнула. Прошептала в отчаянии:

– Вы... Вы – мерзкое чудовище...

Арман снова фыркнул.

В западной башне, наименее разрушившейся, бил из-под камня родничок. Глиняная чаша полна была сухих лепешек, а рядом с соломенным матрасом сиротливо стояли огромные деревянные башмаки.

– Здесь? – спросила Юта дрогнувшим голосом.

Арману на мгновение стало ее жалко, но жалость тут же уступила место раздражению – он снова вспомнил, в какую историю влип.

Подтолкнув принцессу – она гадливо отстранилась – он захлопнул за ней кованую дверь. Постоял в наступившей тишине, громко произнес запирающее заклинание:

– Хорра-харр!

Юта, стоящая с противоположной стороны двери, услышала его удаляющиеся шаги.

Она закусила костяшки пальцев, переступая с ноги на ногу и не чувствуя холода онемевшими босыми ступнями. Весь ужас ее положения доходил до нее постепенно, толчками, и с каждым толчком она все больше кусала пальцы, надеясь проснуться наконец и сказать с облегчением: какой странный кошмар!

Мелодично звучала вода, скатываясь по замшелым камням.

Юта угодила в темницу – глухую темницу дракона.

III

Полуденный воздух дрожит,

И море зевает в скалах.

Здравствуй, тоска.

Арм-Анн

* * *

Он проводил часы перед тусклым надтреснутым зеркалом, и в пыльной раме беспорядочно чередовались картины из жизни трех королевств.

В Верхней Конте царила растерянность и был объявлен траур; теребя подбородок, Арман смотрел, как бледная и постаревшая королева прикладывает платочек к глазам, как король сурово отдает какие-то распоряжения, как горько плачет маленькая Май и хмурится другая принцесса – Вертрана. Потом, подавшись вперед, он попытался расслышать, о чем там сообщают на площади глашатаи, но дрянное зеркало доносило лишь обрывки: «Отважится... закон... ее высочество... под венец...»

Глашатаи твердили одно и то же на всех площадях, как и вчера, как и позавчера, и так уже много дней. Но знатные юноши отворачивались и проходили мимо; лишь раз в зеркале обнаружился человек, готовый на подвиг – какой-то чумазый угольщик, у которого не было ни оружия, ни боевого коня, а только непомерные претензии и глупая мечта жениться на принцессе.

Арман подумал о пленнице почти с ненавистью. Сейчас он готов был поверить, что девчонка специально натянула чужую шляпку и подло поджидала его посреди площади, чтобы расстроить так тщательно продуманный и горько выстраданный план. Еще чуть-чуть – и он поверил бы, что она сама полезет ему в рот, лишь бы досадить.

Он застонал. Пусть посидит в башне, поделом.

Сначала все шло совсем неплохо.

Она сумела протиснуть в щель голову, плечи и половину туловища. Под окном башни проходил каменный карниз, довольно широкий, но во многих местах обвалившийся. Перед глазами Юты оказался кустик бурой травы, прижившейся на изъеденном временем камне; далеко внизу лениво ворочалось море.

Ступенька над бездной. Что в ней за польза для человека, совершенно не умеющего летать? Но Юта упорно лезла и пробиралась, рассудив, что, выбравшись из темницы, что-нибудь да придумает.

Придумывать ей не пришлось, потому что как раз на полпути удача изменила августейшей пленнице. То ли щель под решеткой была слишком узка, то ли принцесса оказалась не такой уж худышкой – но Юта застряла, причем голова ее осталась на свободе, а ноги – в заточении.

Из кустика жухлой травы перед Ютиным лицом выбрался пыльный серенький жучок. Ему, вероятно, удивительно было видеть принцессу, пытающуюся подлезть под решетку узкого башенного окна. Юта дернулась – жучок расправил тусклые крылышки и улетел прочь. На волю.

Отчаявшись продвинуться вперед, смелая принцесса выдохнула весь воздух из легких и попыталась отступить назад. Увы! Решетка не давала ей сдвинуться и на волосок, и похолодевшей Юте представился истлевший скелет, застрявший под железными прутьями... Картина эта была столь ужасна, что, рванувшись из последних сил, ободрав бока и исцарапав спину, она свалилась наконец на каменный пол своего узилища.

Отдышавшись немного, пленница уселась на соломенном тюфячке, горестно подперла щеки кулаками и в который раз глубоко задумалась.

Попытка к бегству снова сорвалась, и заточению не видно было конца-края. Конечно, ей пока хватало и лепешек, и воды, а в окошко по утрам заглядывал солнечный луч, но, в конце концов, разве это жизнь для человека? В особенности если этот человек – молодая девица, тем более – принцесса! К тому же – горгулья! – в любую минуту может появиться дракон, и если он ни разу не показывался с самого дня похищения, то не значит же это, что он забыл о жертве! Нет, бежать. Бежать немедленно!

Юта решительно поднялась – и снова села. Все пути бегства были уже испробованы – и тщетно. Сквозь решетку не протиснешься, под решетку не пролезешь, а дверь окована железом и заперта заклинанием.

Заклинанием...

Юта обнаружила, что повторяет бездумно последние слова своего ужасного тюремщика: хорра-харр...

Очень грубое, некрасивое слово, и похоже на ругательство. Хорра-харр.

Сунув ноги в деревянные башмаки, Юта проковыляла к двери. Постояла, вслушиваясь. Ни звука. Где-то по окраинам Ютиного сознания бродила некая простая мысль.

С влажной стенки пялилась мокрица. Пробежал мохнатый паук, противно перебирая длинными суставчатыми лапами. Простая мысль все бродила вокруг да около, и Юта никак не могла ее ухватить.

Разозлившись, она собралась уже и отчаяться, как вдруг в памяти ее всплыл толстый дворцовый лакей, обучающий премудростям юную горничную: «Ключик направо – закрыли сундук... Ключик налево – открыли сундук...»

И прежде, чем Юта сообразила, причем тут «ключик налево», губы ее сами собой произнесли:

– Праха-ррох!

Длинный скрип огласил узилище. Кованая железом дверь помедлила и качнулась, и между ржавым ее краем и стеной, на которой сидела мокрица, возникла щелка. Из щелки потянуло сыростью, дверь приоткрылась еще, и обомлевшая Юта увидела в проеме коридор и ступеньки.

Коридор и ступеньки! Выход! Свобода!

Драконово заклинание оказалось похожим на ключик старого лакея – произнесешь задом наперед, и дверь откроется.

Ошеломленная своим счастьем, Юта нерешительно подтолкнула тяжелую дверь и выглянула наружу. Коридоров оказалось сразу два – направо и налево, и имелась еще винтовая лестница, ведущая вниз.

Юта призадумалась было, потом сбросила деревянные башмаки – в них она грохотала бы, как порожняя телега по булыжной мостовой – и, босая, деловито зашлепала по лестнице.

Замок врос в скалы и был, пожалуй, древнее скал. Арман не знал толком, кто его строил – то ли предки его предков, то ли неведомые существа, жившие на земле в ту пору, когда на ней не было еще ни людей, ни драконов... Однако уже в бытность легендарного Сам-Ара замок представлял собой порядочную развалину.

Арман фыркнул. Из ноздрей его вырвались снопы искр, потому что Арман, мерно взмахивая кожистыми крыльями, кружил над морем.

К замку, угнездившемуся на скалистом полуострове, вела одна только дорога – узкая, петляющая в камнях, довольно зловещая. Почти добравшись до его подножия, дорога эта раздавалась, образуя круглую ровную площадку – традиционное место поединков. Спустившись ниже, Арман разглядел бы аккуратно сложенную в ее центре горку костей – памятник всем бывшим и будущим освободителям.

Арман не стал спускаться. Он взмыл так высоко, что земля внизу подернулась как бы туманом, и сквозь туман этот до боли в глазах всматривался в дорогу, в дороги, во все пути и тропинки ближней и дальней округи... Но они были безжизненны, пусты и покинуты, и нигде не поднималось облачко пыли под копытами скакуна, и не взблескивало на солнце оружие, и ни один рыцарь не спешил на выручку пленной принцессе...

И тогда он взревел, мощно, страшно, со столбом пламени из глотки и дымом из ноздрей, и рев его прокатился над морем, и в далеких прибрежных деревушках люди, бледнея, шептали заговоры и заклинания.

Драконий рев поверг Юту на четвереньки. В первую секунду она вообразила, что ящер обнаружил ее бегство и разъярился сверх меры; в следующий момент здравый смысл взял верх над страхом, и принцесса рассудила, что зверь кричит над морем, а побег произошел в замке, и значит, ужасный вопль не имеет к ней, Юте, прямого отношения. Уверившись в этом, она решилась подняться и продолжила свой путь.

Она искала выход из замка – и то и дело возвращалась к порогу своего опустевшего узилища. Впору было отчаяться, однако она мужественно жевала сухую лепешку, хлебала воду из родника и снова отправлялась плутать в темных коридорах.

Вдали снова взревел дракон – но тише, слабее, печальнее.

На другой день он потеряно бродил по замку с бутылкой в неверной руке; темные коридоры чередовались с темными же лестницами, а комнаты были либо заперты, либо пустынные.

Наконец, он споткнулся о какой-то порог и встал, тупо разглядывая внезапно обнаружившееся перед ним помещение.

Комната эта с давних пор называлась Органной, хотя загромождавшее ее сооружение не было похоже на орган. Скорее на огромные пчелиные соты, или богатую посудную лавку, или мозаику – хрупкую игрушку великана.

Тем не менее, это был музыкальный инструмент – вернее то, что от него осталось. Громадина отжила свое и была бесполезна – но Арман все-таки любил бывать в Органной комнате, разглядывать серебряные завитушки, украшавшие остов инструмента, щелкать пальцами по толстым трубам из светлого металла и стирать пыль со множества хрустальных скляночек, шариков, причудливой формы сосудов, располагающихся поодиночке и гроздьями. Иногда он пытался извлечь из сооружения подобие музыки, но попытки эти не приносили ничего, кроме раздражения.

Арман зевнул. Бесконечное кружение над дорогами совсем доконало его; слезились воспаленные от ветра глаза. Тусклые серебряные трубы музыкального чудища издевательски уродовали его отражение. Но зачем он, собственно, явился сюда?

Пошатнувшись, он повернулся и побрел туда, где толпились бутылки на черном от времени столе, где тлел камин, где пустовали два кресла.

Юта сидела на ступеньках винтовой лестницы, поджав под себя босые ноги, и тщетно пыталась прогнать охватывающее ее отчаяние.

Выбраться из замка не представлялась возможным; свобода лишь посмеялась над ней, приоткрыв дверь тюрьмы. Юта оставалась в заточении, только узилище ее стало больше, обросло тупиками и лабиринтами, и теперь обессиленной принцессе мерещился истлевший скелет, сиротливо притулившийся на изъеденных временем ступеньках.

Юта в изнеможении закрыла глаза. Перед ее мысленным взором замелькали лоскутки, обрывки видений и воспоминаний.

Она увидела почему-то старую добродушную гувернантку, научившую читать сначала ее, Юту, а потом и младших сестер; гувернантка рассказывала что-то, оживленно жестикулируя, взмахивая рукой с зажатым в ней гусиным пером. Потом это видение стерлось, а на смену ему пришло другое – дворцовый парк, раннее утро, тяжелые от росы листья, терпко пахнет мокрая трава, а она стоит на поляне и ждет кого-то, кто должен прийти – но все не идет... И когда ожидание становится нестерпимым – вздрагивают ветки в глубине парка, дождем опадает на землю роса, и тот, долгожданный, появляется.

Юта видит сначала только темный силуэт между стволами, потом стволы расступаются – и, улыбаясь победно и беспечно, на полянку выходит Остин.

Юта смотрит – и не может оторваться, замороженная. А Остин подходит все ближе, голубые глаза его сияют, он протягивает руки, как бы собираясь заключить Юту в объятия...

Сон оборвался.

Бессмысленно улыбаясь, Юта сидела на ступеньках винтовой лестницы, ноги ее онемели, посиневшая от холода кожа сплошь покрылась пупырышками – но все это было уже неважно.

Сон был вещим. Остин придет.

Прихрамывая, потирая то здесь, то там, Юта двинулась наугад, снова и снова петляя коридорами замка.

Арман оторвал щеку от стола – он заснул сидя и теперь не понимал спросонья, что его разбудило.

Он попытался подняться – и замер на середине движения.

Далекий звук, довольно приятный и тем более немыслимый в этих стенах, пробился из неведомого источника и заставил Армана приоткрыть рот.

Наваждение?

Он припомнил с удивлением, что в его сне этот звук уже присутствовал, но там он был понятен и уместен. Сон, однако, закончился. Звук же...

Звук повторился. Арман выдернул из затылка волосок.

Долгие минуты тянулись в тишине, прежде чем звук возник опять. Тогда Арман с неожиданной легкостью покинул кресло и углубился в лабиринт переходов.

Он двигался уверенно и бесшумно, замирая, когда стихал звук, и вновь пускаясь в путь, когда звук возобновлялся и указывал ему направление. На подходе к Органной комнате его встретил мощный, дивной красоты аккорд.

Последний прыжок – и запыхавшийся, несколько оглушенный Арман ворвался-таки в обиталище музыкальной развалины.

Еще таяли в воздухе последние ноты. Перепугано раскачивались хрустальные скляночки, ударяясь одна о другую, но звук их столкновения совершенно не был похож на тот, удивительный, приведший Армана в Органную комнату.

Он остановился, хищно оглядываясь. Громадина молчала, будто решив сохранить свою тайну; в комнате же на первый взгляд никого и не было.

На первый взгляд.

Арман свирепо сдвинул брови. Процедил страшным голосом:

– Выходи.

Ему ответом была тишина, и даже робко позвякивающие скляночки понемногу успокаивались.

– Выходи, – повторил Арман зловеще. – Лучше будет.

Никакого ответа. Арману показалось, что серебряные трубы музыкального чудища сдвигаются плотнее, чтобы укрыть кого-то, за ними притаившегося.

Арман повернулся, будто собираясь уходить, но на пороге комнаты снова резко обернулся:

– Ну?! Мне самому за тобой лезть, что ли?

Ему показалось, что в глубине сооружения что-то шевельнулось.

– Считаю до пяти, – заявил он голосом, не терпящим возражений. – После этого вызываю крыс, и они съедят тебя прямо в твоём укромном местечке. Раз.

Тишина.

– Два, – Арман скрестил руки на груди. – Три.

Да, там, за строем серебряных труб, кто-то прятался. Сейчас хитрец снова шевельнулся, и тут же качнулась гроздь хрустальных шариков.

– Четыре, – продолжал Арман.

Понемногу, неохотно, то и дело за что-то цепляясь и что-то задевая, на свет выбирался некто, измазанный пылью и паутиной с головы до босых пяток.

– Пять, – неумолимо закончил Арман, и перед ним предстала Юта – принцесса Верхней Конты.

Лохмотья, в которые превратилось бальное платье, могли бы принести своей владелице немалое состояние, вздумай она просить милостыню на рыночной площади. Волосы растрепались, а длинное лицо исхудало, отчего длинный нос казался совсем уж непомерным.

Долго же я буду ждать освободителя, подумал Арман.

Принцесса смотрела на него исподлобья, и в темных глазах ее был страх, но не было паники.

– И что же мы будем делать? – поинтересовался Арман с фальшивым добродушием. – Как поступают обычно с пленниками, которые совершают побег? Кажется, их бросают в колодец к змеям?

Юта нахохлилась еще больше. Сказала тихо и с достоинством:

– Я что, давала вам обещание – не убегать? Это мое законное право... Любому узнику позволено убегать, если его плохо стерегут...

Арман нахмурился:

– Плохо стерегут? А как тебе удалось выбраться, принцесса?

Ответом ему было гордое молчание. Арман обошел пленницу кругом, размышляя вслух:

– Дверь была заперта заклинанием. Что ты можешь понимать в заклинаниях, принцесса? Может быть, ты пробралась через крысиную нору или еще какую-нибудь дыру, а?

Юта фыркнула – возмущение на некоторое время подавило ее страх:

– Могли бы и получше заклинание подобрать, драгоценный господин дракон! Я эту дверь открываю и закрываю, как у себя дома...

Конечно, она тут же пожалела о сказанном, потому что Арман неприятно оскалился:

– Вот как?

И, взяв Юту за плечо, подтолкнул к распахнутой двери Органной комнаты, захлопнул эту дверь перед ее лицом и пробормотал сквозь зубы:

– Хорра-харр...

Юта наблюдала за ним исподлобья.

– Ну, – усмехнулся Арман, – теперь покажи, принцесса, как ты это делаешь. Откроешь – пощажу.

Юта пожала плечами, насмешливо на него взглянула и сказала как бы нехотя:

– Рраха-ррох...

Дверь скрипнула и приоткрылась. Юта шагнула в проем, будто собираясь гордо удалиться.

– У людей не пользуются этим заклинанием, – глухо сказал за ее спиной Арман. – Откуда ты знаешь?

Юта обернулась:

– Ключик налево – ключик направо... Ясно же, что надо все заклинание произнести наоборот!

Некоторое время Арман и Юта смотрели друг на друга в упор.

– Хорошо, – протянул наконец Арман, и Юта неведь почему ощутила вдруг некоторое облегчение. – Ладно. Обещал пощадить – и пощажу... Только... – тут в голосе его снова зазвучали суровые нотки обвинителя, – как ты посмела, принцесса, явиться сюда, и что ты здесь делала?

Юта втянула голову в плечи. Действительно, какая горгулья ее укусила, зачем было трогать эти хрустальные горшочки? Проклятое любопытство... Теперь она попалась, обидно и глупо, и в лучшем случае ее снова запрут, как овцу в загоне...

– Что я делала? – пробормотала она, стараясь говорить как можно наивнее. – Что я делала? Ничего... особенного. Я... играла.

– Играла?!

Арман развернул Юту за плечи – несколько грубо – и подвел вплотную к выжидающему, притихшему музыкальному инструменту.

– Играй сейчас.

Принцесса перепугалась не на шутку. По-видимому, она совершила нечто ужасное, по глупости в этом призналась, и теперь ее ожидают издевательства и кара.

– Нет... – пролепетала она побледневшими губами. – Я не то хотела сказать...

Арман воздел глаза к покрытому потеками потолку:

– Играй. Как ты играла? Так? – он постучал пальцем по ближайшей хрустальной скляночке.

Юта молчала, сжавшись в комочек. Арман с шумом втянул в себя воздух.

Двести лет он не разговаривал с особами женского пола, да и вообще ни с кем не разговаривал, кроме себя. Ему стоило большого труда придать своему хриловатому голосу оттенок, который с некоторой натяжкой можно было бы назвать мягкостью:

– Ну, послушай, принцесса, я тебя не пугаю, не бью тебя, не кричу даже... Ты же играла, пока меня здесь не было? Ну так сыграй сейчас, а я хочу на это посмотреть.

Юта всхлипнула и решила, что терять все равно нечего.

Дома она любила играть с хрустальными бокалами – водить влажным пальцем по их краю и слушать мелодичный звук, который при этом получался.

Она робко оглянулась – Арман отошел, чтоб не пугать ее.

Тогда она быстрым мальчишечьим движением запустила палец в рот, поспешила, потом шагнула вперед и провела по краю ближайшей скляночки.

Мягкий, чистый, необычный звук родился под замурзанным пальцем, наполнил скляночку, разбудил гроздь прозрачных шаров, которые откликнулись

резонансом; разросшись и обогатившись, звук усилился серебряными трубами, отразился от каменных стен и совершенно потряс своего единственного слушателя – Армана.

Юта провела пальцем по краю другой скляночки – звук изменился, теперь это был аккорд. Арман, сбитый с толку, туго накручивал на палец выдернутый из макушки волосок.

Юта перестала играть и обернулась.

Она выжидающе смотрела на него – долговязая девчонка в лохмотьях, а музыкальная громадина за ее спиной все пела, не желая умолкнуть после тысячелетнего молчания.

Арман с трудом сглотнул. Спросил тихо:

– Ты когда-нибудь видела такой инструмент, играла на нем? Где?

Юта перевела дыхание – опасности, кажется, не было. Ответила несмело:

– Нигде не видела... У нас такого нет... Я просто, ну, догадалась, как вы на нем играете...

– Как Я на нем играю?!

Юта отшатнулась. Арман, пожалуй, мог напугать кого угодно.

Вечером она сидела в кресле, в зале, перед камином. Это было то самое кресло, в котором она впервые пришла в себя, оказавшись в замке и приняв Армана за освободителя. Воспоминание это теперь заставляло ее краснеть.

На смену Ютиным лохмотьям пришла теперь какая-то хламида из Армановых сундуков – тот справедливо рассудил, что принцесса не должна выглядеть, как бродяжка, это может отвратить освободителя в самый последний момент. Юта помылась и причесалась; стакан выпитого вина окрасил ее впалые щеки здоровым румянцем и помог на время позабыть о своих злоключениях. Арман, сидящий по другую сторону стола, отметил с удивлением, что у пленницы

довольно ясный и осмысленный взгляд – хотя, конечно, это не затмевает явных недостатков ее внешности.

– Так вы не бро... бросите меня в колодец со змеями? – бормотала Юта заплетающимся языком.

– Посмотрим, – задумчиво отвечал Арман. – Не брошу, если не будешь совать нос куда не следует... Запирать тебя, вижу, бесполезно, но входить будешь только туда, куда я разрешу... И не вздумай ослушаться! Помни о крысах, о змеях... – он подумал, не обернуться ли драконом для острастки, но у него уже не было ни желания, ни сил.

* * *

Остин приснился ей еще раз – но как-то тускло, невнятно, и она не могла вспомнить свой сон. И все же каждый раз, укладываясь вечером на соломенный тюфячок, она подолгу думала о контестарском принце и пыталась призвать его в сновидения.

Теперь она обувалась в старые веревочные сандалии – а в них гораздо приятнее шлепать по камням, нежели босиком. Сухие лепешки чередовались с вяленным мясом, а вместо воды было еще и вино. К тому же ей было позволено подниматься на верхушку западной башни – там была открытая площадка, окруженная зубцами, и можно было подставлять лицо солнцу и ветру, смотреть на море и на берег, по которому петляла дорога.

Первое время Юта пропадала на башне – ей то и дело казалось, что на дороге появился всадник. Она принимала за всадников камни, кусты, столбы пыли, поднятые ветром – и каждый раз горько разочаровывалась, чтобы снова всматриваться и вглядываться.

Время от времени ей случалось наблюдать, как из Драконых Врат вырывается черное облако, а вслед за ним, окутанный дымом, как темным плащом, появляется дракон. Притаившись за каменным зубцом, Юта разглядывала горящую на солнце чешую, гибкий костяной гребень вдоль спины, длинный лоснящийся хвост, захлестывающийся петлями... Дракон изрыгал пламя, описывал круг в небе над замком, и Юта, полуоткрыв рот, смотрела, как

величественно взмахивают перепончатые крылья, из которых одно было отмечено светлым треугольным шрамом. Потом ящер неторопливо пускался прочь, на глазах становился все меньше и меньше, пока не превращался в черную точку, тающую над горизонтом.

Полетел на охоту, думала Юта. Она знала уже, что ящер охотится в горах на диких коз – драконий организм требовал обилия сырого мяса.

Быт замка был прост до однообразия. Время от времени Арман завяливал нескольких коз, чтобы съесть потом перед камином, будучи в человеческом обличье. Вода добывалась из родника, вино – из необъятных, вмурованных в стены бочек, поивших, верно, не одно драконье поколение. Да и непрменные сухие лепешки, как предполагала принцесса, испечены были лет сто назад, не меньше.

Была и кладовая – туда, как и следовало ожидать, ход Юте был строго-настрого закрыт, и она, конечно, очень боялась ослушаться.

Арман и в человеческом виде представлялся ей страшилищем – поначалу она пряталась в первую подвернувшуюся щель, едва заслышав его шаги в конце коридора. Когда же строгий голос повелительно звал: «Эй, принцесса!» – она не решалась ослушаться и являлась, дрожа, перед страшными Армановыми очами. И, хотя никаких неприятностей он ей не причинял, а только кормил, поил да следил, чтобы не нарушала запретов – относительно спокойно ей бывало лишь тогда, когда он покидал замок.

Потом она пообвыкла и даже несколько раз рискнула обратиться к Арману с вопросом: а здесь бывают шторма? а куда ведет та дверь? а что, если разогреть лепешку, сунув ее в камин?

Арман отвечал сухо, но терпеливо. Разогретая лепешка оказалась вкусна, и Ютин страх понемногу отступал, давая место пока еще робкому любопытству.

Из всех развлечений главным оставалась сторожевая башня; дороги же были пусты – и вскоре принцесса решила, что рыцарь-освободитель и без ее помощи отыщет замок, и что ожидание можно скрасить, придумав себе какое-нибудь занятие.

И умница-Юта его придумала.

Труднее всего было выпросить у Армана факел – заодно удалось приметить, где они хранятся. Благовидным предлогом послужила Ютина якобы боязнь темноты.

Снарядившись таким образом, принцесса наконец решилась.

Дождавшись на башне, пока Арман-дракон вылетит из замка, – а Юта до сих пор содрогалась при виде крылатого чудовища – негодница опрометью бросилась вниз, зажгла факел и принялась за исследование замка. Уж казалось бы: раз ты пленница, то сиди тихонько и не нарывайся на неприятности – но нет! Юта спускалась теперь в темную, подземную часть замка, куда вход ей был категорически запрещен.

Факел вздрагивал в решительно поднятой руке. Подол темного балахона волочился по волглым ступеням – скользким, истертым до дыр.

Лестница привела на узкую площадку – теперь можно было выбирать, спускаться ли ниже или углубиться в коридор. Юта решила спускаться.

Стало заметно прохладнее; по стенам скатывались большие прозрачные капли. Юта остановилась – и спереди, и сзади, и сверху, и снизу была только темнота, плотная, веками слежавшаяся тьма, которую едва осиливал свет одинокого факела.

Принцесса хотела уже испугаться – но вспомнила почему-то о светлячках. Светлячок в траве тоже испытывает похожее чувство – кругом темно, а он хранитель единственного в мире тусклого огонька... Юта вспомнила, как собирала в парке светлячков и показывала их маленькой сестре Май, которая тогда только поднималась на ноги... А Вертрана – та боялась ходить ночью в парк, и мальчишки-пажи боялись, и Юте очень нравилось смеяться над их страхами... Мальчишки – даже совсем большие – дивились ее храбрости и признавали за ней право командовать в затеях, которые она же большей частью и выдумывала...

Плясали тени на мокрых стенах. Юта улыбнулась и двинулась дальше. От лестницы отделился еще один коридор; на этот раз Юта свернула и, пройдя немного, сразу же столкнулась с проблемой выбора – коридор раздваивался.

Подумав немного, она копотью факела оставила на стене пометку и свернула вправо.

С потолка гроздьями свисали летучие мыши, Юта испугалась, когда на них упал свет – но мыши не почтили ее вниманием. Похоже, они давно привыкли к огню факела, и это дало принцессе повод немного призадуматься – кто здесь так часто ходит со светом? Уж не хозяин ли замка? Что у него тут, в подземном лабиринте – сокровища?

Частые развилки и тупики беспокоили Юту все больше. Она уже всерьез подумывала о возвращении, когда стены коридора вдруг раздались.

Свет уже не достигал их, хотя факел горел ровно и ярко.

Юта остановилась, тяжело дыша и слушая стук крови в ушах.

Это, похоже, был огромный зал – принцесса даже ощущала движение тяжелого, затхлого воздуха. Где же потолок? Что там, дальше?

Принцесса испугалась, что, потеряв из виду стены и не имея возможности делать пометки факелом, не найдет дороги назад. Поэтому, вернувшись немного, она продолжила свой путь, придерживаясь правой стены.

Что он хранит здесь? В старых легендах полным-полно упоминаний о драконьих кладах, на которых будто бы и стоят их замки... А здесь пусто, огромное пустое пространство в толще скал, это кто же его выдолбил и зачем?

Ее любопытство росло вместе с ее страхом.

Слева показалось нечто большое и бесформенное – кажется, приземистая колонна, не то исеченная чем-то, не то узором разукрашенная... Юта, подумав, отступила несколько шагов от стены и осветила колонну своим факелом.

Гор-ргулья!

Колонна была покрыта письменами, да какими сложными! Юта обошла громадину кругом – письмена заполняли ее до самого пола, а начинались, наверное, у потолка, которого не было видно. Клинописные символы кое-где поросли мхом, кое-где стерлись – сколько же им столетий? Значки теснились, прижимали друг друга – разные тексты, и почерк разный... А вот и рисунок – а на нем знакомый берег, и море, и... замок!

Юта присвистнула. Фрейлины всегда запрещали ей свистеть. Вспомнив об этом, она свистнула громче – в коридоре захлопали крылья летучих мышей, и Юта зажала себе рот ладонью.

Тысяча горгулий...

На следующий день Арман никуда не вылетал – и Юта маялась, шатаясь по коридорам и глаза с башни на дорогу. Немного развлекли ее немислимых размеров белые птицы, которые поселились в прибрежных скалах и теперь вели беспокойную шумную жизнь – вопили, ругались, по очереди высиживали птенцов и выдергивали друг у друга перья. Поколебавшись, Юта пошла с вопросом к Арману – тот скупно объяснил, что птицы называются калидонами, избегают людей и поэтому издавна селятся рядом с драконами. Бормоча удачно придуманную считалочку – «Раз – драконы, калидоны, два – драконы, калидоны» – Юта поплелась обратно на башню.

Спустя еще день Арман – о удача! – улетел с раннего утра, и Юта, прихватив из хранилища новый факел, поспешила в разведанный ею подземный зал.

Найти было непросто – но Юта наловчилась ориентироваться по своим же, копотью факела оставленным знакам. Летучие мыши снова не обратили на нее никакого внимания, да и Юта уже не удивилась, когда стены коридора неожиданно расступились и в лицо повеяло затхлым сквозняком.

Потом время, кажется, остановилась. Любопытная принцесса обнаружила еще четыре колонны, покрытые клинописью, а сколько их было вообще – горгулья знает! К тому же, стены во многих местах тоже были испещрены знаками, и рисунки встречались, да какие! Юта долго стояла, разинув рот, перед изображением неведомо какого чудовища, выбиравшегося из моря. Дракон рядом с этим зверем казался просто комнатной собачкой, а ведь рисовавший изобразил чудовище в таких деталях, которые наводили на мысль о том, что он

не выдумал его, а видел, и совсем близко...

Азартно пританцовывая, Юта и дальше предавалась упоительному исследованию. В конце концов ее неистребимое любопытство было вознаграждено – продираясь сквозь незнакомые знаки, она наткнулась вдруг на обрывок совершенно понятного, обычным языком написанного текста: «У храброго Дин-Ара было двое сыновей, и когда достигли они лет и поднялись на крыло, настал день их поединка... Гортани юношей преисполнены были огня, и сами они преисполнены были доблести... Но пал в бою младший, Шан-Ан, а старший, Акк-Ар, утвердился, и заматерел, и преуспел в промысле, и крылья носили его до глубокой...»

Текст оборвался.

Юта, пораженная, стояла перед каменной книгой, и ей казалось, что, сделав только шаг, она попала в другой, совершенно невообразимый мир. «Гортани юношей преисполнены были огня»...

Что же, и храбрый Дин-Ар, и двое его воинственных сыновей в самом деле существовали? Они были драконы? Ну уж конечно, раз они с крыльями и вообще... А вот правда это или сказка, и кто это написал?

Забыв обо всем на свете, Юта водила пальцем по каменным строчкам, выискивая понятные буквы. Ну вот, опять!

«Юкка приходит из моря, и дети его, и внуки, и правнуки явятся из пучины... Береги свой огонь, и да защитит он тебя от ужасного Юкки, и от детей его, и внуков, и...»

Юта выпучила глаза. Вот это горгулья! Еще и ужасный Юкка, который... Постой-ка, а не тот ли это зверь с картинки? Тот, помнится, тоже из моря вылезал...

И Юта принялась разыскивать рисунок с изображенным на нем чудовищем, но найти уже не смогла, а вместо этого прочитала вдруг:

«Я поднимаюсь к небесам, и моя тень лежит в скалах, маленькая, как зрачок мышонка... Я опускаюсь на землю, и моя тень встречает меня, как мой брат...»

Факел затрещал, но Юта не обратила на это внимания. Она водила пальцем по последней надписи – та была высечена глубоко, четко и читалась куда легче прочих... Может быть, этот текст не такой уж старый?

Установить это Юте так и не довелось. То есть сначала все было хорошо, она разглядывала письмена, почти ткнувшись в них носом, и факел светил даже ярче, чем прежде... Но потом за ее спиной шумно вздохнули, и в ту же минуту оказалось вдруг, что факелов уже не один, а два, и поэтому так светло.

Юта вскрикнула – рядом, в двух шагах, стоял Арман, стоял молча, неподвижно, как воплощенное возмездие. В пляшущем огненном свете узкое лицо его казалось зловещим, как никогда.

– Я нечаянно, – быстро пробормотала Юта, и глупость этих слов открылась ей сразу после того, как они были произнесены.

Арман молчал. Молчание это было приговором.

– А что я такого сделала? – голос принцессы предательски дрогнул.

– А вот мы сейчас посмотрим, – с убийственным спокойствием пообещал Арман.

Из помертвевшей Ютиной руки изъят был факел. Арман постоял с минуту, глядя пленнице в глаза, потом швырнул оба факела на пол. Швырнул и наступил ногой – сначала на один, потом на другой.

Повалил дым, и стало темно – так темно, что Юта тут же перестала различать, где пол, а где потолок.

– Я ухожу, – сказал Арман в темноте, и голос его удалялся. – А ты останешься здесь. Вот и подумай, стоило ли совать нос, куда запретили!

Шаги его стихли прежде, чем Юта перевела дыхание.

Она стояла посреди полной темноты, и в голове ее бессмысленно повторялась последняя прочитанная фраза: моя тень встречается меня, как мой брат. Как мой брат. Мой брат.

У нее, Юты, никогда не было брата, но это неважно. Никакой брат не явится в это подземелье, чтобы вывести сестру на поверхность. Она ослепла, она умрет в темноте, она никогда больше не увидит солнца. Жестокий дракон будет наслаждаться ее стонами, ее слезами, ее отчаянием...

Но здесь он или все-таки ушел?!

– Эй, – голос Юты расстрогал бы и ледяную глыбу, – эй, вы здесь?

Никакого ответа.

– Послушайте, – она старалась говорить спокойно и мужественно, но то и дело пускала петуха, – я ведь не так виновата, как кажется... То есть виновата, конечно, но подумайте... Что плохого в том, что я немножко почитала здесь надписи? Здесь же нет ни золота, – Юта всхлипнула, – ни драгоценностей... Ни алмазов, ни рубинов, ни этих... сапфиров... И я ничего не украла... – ей пришлось сделать паузу, чтобы унять всхлипы и вытереть кулаком нос. Вокруг стояла темнота – густая, как чернила; Юта плотно зажмурилась, чтобы ее не видеть, и продолжала:

– Вам, может быть, и нравится меня пугать... Но это плохо, это... жестоко, я же и так ваша пленница... Откликнитесь, пожалуйста...

Тишина.

Дрожащей рукой Юта нащупала шероховатую поверхность колонны и прижалась к ней всем телом.

– Может быть, все написанное здесь – тайна... Так я же никому не скажу... Ни про то, как они дрались, ни про этого Юкку, который все время вылезает из моря... Я же не знаю, может, и не было никакого Юкки... Да я же все равно ничего не понимаю! – выкрикнула вдруг она отчаянно и зло. – Тут же не по-человечески написано! Ну кому хуже, если я попробую прочитать?!

Тишина.

Юта сползла по колонне на каменный пол.

– «Гортани юношей... преисполнены были огня», – сказала она шепотом, сама не осознавая, что говорит. – «Я поднимаюсь к небесам, и моя тень лежит в скалах, маленькая, как зрачок мышонка... Я опускаюсь на землю, и моя тень встречает меня, как мой брат».

Жесткая рука легла ей на плечо – она вскрикнула от ужаса.

– Пошли, – глухо сказал Арман.

Юта семенила за ним, едва поспевая; когда они миновали лабиринт и поднимались по лестнице, она решилась спросить:

– Вы видите в темноте?

– Нет, – отозвался Арман отрешенно.

Смеркалось.

– Что ты там искала? – поинтересовался Арман.

Юта потупилась. Пожала плечами:

– Ничего... Я хотела... Увидеть...

Арман молчал, и она решилась-таки спросить:

– А все эти... люди, то есть драконы... Они на самом деле были?

Арман отошел к окну. Над морем поднималась красная луна.

– Это летопись моего рода, – сказал, не оборачиваясь.

Горгулья, подумала Юта.

– А Юкка? Он тоже из... вашего рода?

Арман посмотрел на нее через плечо. Девчонка и девчонка. Притворяется? Или действительно настолько любопытна? Впрочем, что за беда... Странно, думал ли он, что будет, м-м-м... обсуждать... Ну, словом, что найдется собеседник, который вот так наивно спросит: «А Юкка?»

Он усмехнулся, и Юта, посчитав это добрым знаком, усмехнулась тоже.

– Юкка, – сказал Арман наставительно, – Юкка – морское чудовище... Издавна он и его родичи были страшными врагами драконьего рода... А появлялся он из моря, и единственное оружие против него – огонь. Ясно тебе, принцесса?

– А кто такой Дин-Ар? – спросила Юта немедленно.

Арман поразился: ну видано ли? Поди разбери теперь – сердиться, смеяться...

– Дин-Ар, – сказал он со вздохом, – мой славный предок, сто шестнадцатый в роду...

Глаза Юты сделались круглыми, как блюдца:

– Сто шестнадцатый? А сколько всего поколений ваших предков?

Арман в изнеможении закрыл глаза. Глупенькая принцесса, не спрашивай о том, чего не в состоянии понять.

– Я двести первый потомок, – сказал он устало.

– Двести первый?! А сколько вам лет?

Он усмехнулся:

– Двести тридцать два.

Принцесса помолчала, прикидывая, может ли это быть правдой. Спросила осторожно:

– Да? А сколько живут драконы?

– Пока не умрут.

– Да?

Арман отвернулся.

Он был так мал тогда, что о гибели отца сохранилось не воспоминание даже, а, по сути, воспоминание о детском воспоминании. Грохот, вспышка – отец, пораженный прямым ударом молнии, рухнул в море... Ему было, кажется, чуть больше двухсот... А через двадцать лет умер дед.

Юта вывела его из задумчивости, процитировав страшным шепотом:

– «Акк-Ар утвердился, и заматерел, и дожил до глубокой»... Но ведь он своего брата убил, да?

Что ж, подумал Арман. Я сам виноват – пустился с жертвой в объяснения, позволил рассуждать о делах рода...

Он вспомнил, как в темноте подземелья вздрагивал насмерть напуганный принцессин голос: «...моя тень встречает меня, как мой брат». И ведь что за странность, до этих ее слов он был ужасно зол, и сидеть бы девчонке без света не час и не два... Но уж очень необычно было услышать эти строки из ее уст. Необычно и... приятно, что ли? Он растрогался и вывел ее на поверхность...

– А... – начала было Юта и осеклась.

– Что?

Юта отчаяно засопела, не решаясь спросить.

– Ну, чего тебе, принцесса?

– У вас... ну, в общем, у драконов бывают имена, как и у людей?

– У людей, – сухо поправил он, – у людей, как и у драконов.

– Можно узнать, как вас зовут?

Он задумался. Выговорил с трудом:

– Арм-Анн.

С двумя факелами было удобнее, чем с одним.

– Тут непонятно... – бормотала Юта. – Это драконий язык?

– Древнее наречие.

– А вы понимаете его?

– Отчасти.

Залу не было видно конца-края, и все новые и новые колонны, покрытые письменами, выныривали из темноты.

– А что здесь написано? – Юта водила пальцем по влажному камню. Арман то и дело одергивал ее:

– Не руками, принцесса!

Юта отшатывалась, чтобы тут же приблизится опять:

– Тут есть и знакомые буквы, и не совсем знакомые... Что это?

Арман снисходительно объяснял. Чередовались более или менее давние описания нравов, обычаев, летопись наиболее важных событий, которыми, как правило, были битвы, схватки и поединки: «...и встретил Дон-Ар брата своего старшего Дав-Ана, и была их схватка подобна огненному узлу... И стянулся узел, и погиб Дав-Ан, и Дон-Ар возопил победно – но раны его были глубоки, как море, и пролил он море крови своей и в море же рухнул... Погибли оба, и осиротел

род...»

– «Осиротел род», – шепотом повторила Юта. – Война между братьями? Одна и та же история повторяется и повторяется... Только тот, про которого я читала раньше, «заматерел» и «дожил до глубокой старости», а тут, видите ли, «осиротел род»... Зачем же было биться?

– Это обычай, – сказал Арман сухо. – Род продолжает только сильнейший из братьев. Тебе не понять.

– Не понять, – пробормотала Юта.

И после минутного молчания вдруг заговорила быстро и убежденно:

– А помните те строки про тень, которая встречает, как брат? Помните? Тот, кто их писал, ХОТЕЛ встретиться с этим своим братом, и не для того, чтобы его убить. Как вы это объясните?

– Никак, – глухо отозвался Арман. Юта, ободренная, продолжала:

– Я думаю, что убивать братьев не так уж хорошо. Рано или поздно остаешься один-одинешенек, и тогда уже впору со своей тенью беседовать... Вот вы, – она осуждающе уставилась на Армана сквозь пламя своего факела, – вы тоже убили своего брата?

Арман молчал так долго, что она испугалась.

– У меня, – медленно сказал он наконец, – у меня никогда не было братьев.

«...Гибель рода!»

Его дед был кликушей. Малыша до обморока пугали обвиняющие выкрики и зловещие пророчества.

«Гибель рода, распад, конец! Кого ты выплодил, сын?! Где сильные внуки, где носители моего пламени, готовые сразиться во славу семьи? Или этот выродок, Арм-Анн, уцелеет?»

Отец молчал. Арман дрожал, забившись в угол.

«Наши предки не простят нам, сын. Роду нужны новая кровь, свежие крылья. Арм-Анн – хилая ветвь. Где его братья, рожденные для поединка?!»

Потом была молния, осиротившая Арм-Анна.

Он тряхнул головой. Факел Юты мерцал далеко впереди – принцесса стояла, разинув рот, перед черной глыбой плоского, вздыбленного камня:

– Горгулья, это что еще?

Арман приблизился, думая о своем. Кивнул отрешенно:

– Здесь заключено пророчество.

– Пророчество?

– Да... О судьбе рода и всех его колен.

– Вам известно ваше будущее?!

Он усмехнулся:

– Нет. Ты же видишь, пророчество зашифровано. Не знаю, пытался ли кто-нибудь его понять... Если и пытался, то тщетно.

Юта стояла, замороженная. Хитросплетения линий пленяли ее, гипнотизировали, сулили неслыханную тайну другого, неведомого мира...

– А я смогу понять? Ну, прочитать, разобраться?

У Армана опустились руки. Факел его зашипел.

– Послушай, – сказал он проникновенно. – Этому камню много тысяч лет. Ты – девчонка, пигалица, песчинка, чешуйка... – он приостановился, подбирая слово, и Юте пришлось помочь ему:

– Скорлупка.

– Скорлупка, – согласился Арман, – Наглая, нахальная скорлупка с неистребимой тягой к неприятностям.

Юта часто заморгала:

– Знаете... Для дракона вы очень красноречивы.

Он онемел, а принцесса, воспользовавшись этим, поспешила добавить:

– Нет, я ничего такого не хотела сказать... Пожалуйста, разрешите мне ходить сюда самой. Пожалуйста. Ну, пожалуйста.

IV

Солнце – пастух без стада.

Утром – золото, вечером – медь.

И кажется, будто не надо

Ни вспоминать, ни жалеть.

Арм-Анн

* * *

Теперь она дни напролет проводила в подземелье. Арман удивлялся, но и был доволен – так он, по крайней мере, знал, что принцесса занята делом и не замышляет очередной каверзы.

Он наблюдал за ней, как за диковинным, попавшим к нему в клетку зверьком. Иногда он спускался вслед за ней в подземелье – без факела, невидимый – и подолгу смотрел, как она водит замурзанным пальцем по древним замшелым отметинам.

С людьми – с теми, кто живет в деревенских домах под соломенной крышей, городских кварталах под черепицей или королевских дворцах – у Армана были долгие и сложные отношения.

В самом нежном детстве он имел несчастье пристраститься к пороку – а то, что это порок, да еще ужасный, ему впоследствии объяснил вооруженный розгой дед. Причиной всему было волшебное зеркало.

Родичи Армана пользовались им по необходимости либо от скуки, но никогда – из любопытства. Арман извлек его из хлама, почистил и установил в своей комнате; тогда еще целое, ясное и послушное воле смотрящего, оно часами показывало мальчику картины чужой жизни.

Он был единственным ребенком в огромном замке; отец был горячо любим, но всегда угнетен и подавлен, деда же маленький Арм-Анн старался избегать.

Отец иногда ронял тяжелую ладонь ему на макушку, заставляя замирать от радости, и дарил мелкие ненужные вещи – камушки, пряжки. Дед занимался воспитанием внука – учил его и наказывал.

Стоя в огромном холодном зале, Арм-Анн до хрипоты повторял наизусть эпизоды из истории рода. Каждый урок начинался и заканчивался с перечисления многочисленных имен – пращуров тянулись перед глазами мальчика угрюмой нескончаемой вереницей.

Наверное, у каждого из предков была мать – в этом счастье последнему потомку было отказано. У предков были братья – те, с кем предстояло сразиться, возмужав. Арман был одинок с колыбели, и вся детская жажда общения досталась бездушному предмету – магическому зеркалу.

Зеркало нельзя было любить, но и наказывать оно не смело. Внешне безучастное, оно, развлекая, подсовывало малышу совершенно невероятные сведения.

Он видел, как орава мальчишек – а он не мог представить себе, что столько мальчишек может существовать на свете – зачем-то дразнит стайку других детей: он сначала принял их за странных мальчиков, и только потом услышал их истинное название – девочки...

Он смотрел, как делают сыр из овечьего молока, как степенно ужинает большое семейство, как пеленают младенцев, как обряжают мертвецов, как листают многослойные глыбы – книги... Те, в зеркале, были в чем-то мелочны и суетливы, но и многообразны на удивление – Арман не переставая удивлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/marina-i-sergey-dyachenko/ritual-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)